

УДК 343.234.5

О правовой природе и значении уголовно-правовых норм, предполагающих компромисс

А. А. СЁМИН

Одной из характерных тенденций действующего уголовного законодательства является существенное расширение числа норм, конкретизирующих юридические последствия позитивной постпреступной деятельности виновного в совершении уголовно-наказуемого деяния. В сравнении с УК 1960 г. их количество возросло более чем в три раза, причем помимо уже ставших традиционными норм-примечаний к отдельным статьям Особенной части УК (примечания к ст. ст. 287, 289, 291, 295, 328 УК и др.) закон содержит целый ряд норм общего характера, действие которых распространяется на определенные группы преступлений (ст.ст. 69, 86, 88, 89, 88-1 УК и др.).

Однако в теории уголовного права до настоящего времени нет однозначного мнения относительно юридической природы указанных норм. Одни авторы причисляют большинство из них к институту деятельного раскаяния, другие относят их к поощрительным нормам, третьи усматривают в них признаки нескольких правовых институтов (в частности, освобождения от уголовной ответственности); норм, стимулирующих раскрытие преступлений; норм назначения наказания, примирения с потерпевшим; так называемых «специальных» норм Особенной части и др. Наконец, сравнительно недавно появилась точка зрения, согласно которой анализируемые нормы образуют институт уголовно-правового компромисса.

Идея отнесения рассматриваемых норм к институту деятельного раскаяния имеет достаточно давнюю историю и своими корнями восходит к дореволюционному периоду развития уголовного права (см. [1, с. 327, 356] и др.). Законодательное закрепление данного термина применительно к одному из оснований освобождения от уголовной ответственности (ст. 88 УК), вне всякого сомнения, является следствием длительной доктринальной разработки. Тем не менее, данное решение представляется не бесспорным. Так, сам термин «деятельное раскаяние» носит весьма условный характер. Слово «раскаяние» означает «чувство сожаления по поводу своего поступка, проступка» [2, с. 1087], тогда как ни одна из анализируемых норм не содержит указаний относительно мотивов позитивного постпреступного поведения. По мнению большинства авторов, мотивы, которыми руководствовалось лицо, осуществляя «деятельное раскаяние», не ограничиваются собственно раскаянием и могут быть самыми разнообразными, что не должно препятствовать применению соответствующих норм (см. [3, с. 42; 4, с. 25] и др.). Впрочем, некоторые пытаются исходить из буквального толкования указанного термина, что в одном случае приводит к выдвиганию мало приемлемого с практической точки зрения требования констатировать действительность раскаяния виновного, чистосердечность признания им своей вины (см. [5, с. 241; 6, с. 32] и др.), а в другом – делению института на собственно деятельное раскаяние и некое «квазираскаяние». Например, при анализе примечания к ст. 206 УК РФ (аналогичного примечанию к ст. 291 УК), делается вывод, что «если освобождение заложника было осуществлено добровольно, имеет место деятельное раскаяние, если же это делается по требованию властей, деятельного раскаяния нет» [7, с. 175-176].

Последнее отражает также и отсутствие единства во взглядах относительно круга норм, причисляемых к институту деятельного раскаяния. Ряд авторов изучают деятельное раскаяние лишь как одно из оснований освобождения от уголовной ответственности (см. [7, с. 164-179; 8] и др.), другие причисляют к данному институту и смягчающие ответственность обстоятельства, описывающие позитивную постпреступную деятельность (см. [9, с. 23-25; 10] и др.), третьи усматривают деятельное раскаяние в примирении с потерпевшим ([11, с. 15] и др.).

Неоднозначно решается и вопрос об отнесении к деятельному раскаянию отдельных примечаний к статьям Особенной части УК (см. [12; 13] и др.). По сути, не обсуждается принадлежность к данному институту норм ст. ст. 20 и 86 УК.

Аналогичные затруднения возникают и при попытке рассматривать анализируемые нормы в качестве поощрительных. Во-первых, термин «поощрение», являясь синонимом слова «награда» [2, с. 920, 575], означает предоставление каких-либо дополнительных благ или привилегий, тогда как при применении рассматриваемых норм речь, скорее, следует вести об «устранении обременений» которые возложены или могут быть возложены на виновного в совершении преступления [14, с. 45-46]. Как справедливо отмечает Р. Соловьев, здесь приходится говорить не столько о поощрении, сколько о прощении виновного [15]. Во-вторых, круг норм, относимых в литературе к поощрительным, далеко не исчерпывается анализируемыми. К ним, в частности, относят также юридические предписания, закрепленные в институтах добровольного отказа от преступления, обстоятельств, исключающих преступность деяния, условного осуждения, условно-досрочного освобождения от наказания и др. [16, с. 17-18]. Столь широкий подход существенно затрудняет уяснение подлинной юридической природы анализируемых норм и, по сути, приводит к восприятию термина «поощрительные нормы» в качестве некоего обобщающего понятия, не обладающего признаками правового института. (В связи с этим заслуживает внимания точка зрения авторов, предлагающих рассматривать в качестве поощрительных лишь нормы, которые направлены преимущественно на исправление преступника, побуждение его к «честной трудовой жизни» [17, с. 52-53]).

Наконец, в настоящем исследовании неприменим третий из указанных выше подходов к осмыслению выделенной группы норм. Он не позволяет охватить весь круг данных норм, уяснить их систему и взаимосвязи, что делает его пригодным лишь для решения узких исследовательских задач.

Таким образом, ни одна из рассмотренных точек зрения не позволяет обеспечить целостное восприятие всего круга анализируемых нами норм, несмотря на очевидное сходство механизма их действия и решаемых ими задач (ниже мы рассмотрим последние более подробно). Вызывает возражения и точность используемых для их обозначения понятий. Указанных недостатков, как представляется, в значительной степени лишен подход, в соответствии с которым данные нормы объединяются в институт уголовно-правового компромисса. Во-первых, уже сам термин «компромисс», означающий соглашение на основе взаимных уступок [2, с. 447], дает представление о механизме действия представляемых им норм, взаимности и взаимообусловленности действий их субъектов. Несомненным достоинством данного термина является и его междисциплинарный характер: обозначаемое им явление в настоящее время достаточно активно изучается рядом наук в качестве эффективного и желательного средства (стратегии, методики и т.п.) разрешения политических, социальных и межличностных конфликтов. Указанная взаимосвязь представляется далеко не случайной, поскольку соответствует современному пониманию преступления как особой разновидности социального конфликта, переоценке идеологических воззрений на преступность и методы ее социального контроля (см. [17, с. 11-34; 18, с. 69-71] и др.). В условиях, когда традиционные силовые методы воздействия на преступность показывают недостаточную эффективность, а идеологическая установка на непримиримую и бескомпромиссную борьбу с преступностью признана несостоятельной, расширение возможностей к законному разрешению криминальных конфликтов с применением наиболее желательных способов урегулирования социальных противоречий является вполне оправданной мерой.

В обобщенном виде компромисс представляет собой метод урегулирования (как правило, нейтрализации или локализации) противоречия между какими-либо субъектами, основанный на их взаимных и взаимообусловленных уступках. Можно выделить следующие его общие черты:

– компромисс возможен при наличии противоречий между определенными субъектами (в том числе, переросшими в конфликт);

– компромисс – это вынужденная мера, которая применяется в том случае, когда оппоненты осознают невозможность ни достижения одностороннего превосходства, ни полного согласия (консенсуса) друг с другом. Он предпочтителен также и в том случае, когда стороны понимают, что иной способ разрешения противоречий чреват эскалацией, и стремятся избежать нагнетания напряженности, усиления нестабильности и иных негативных последствий открытой конфронтации;

– компромисс применяется для достижения или защиты каких-либо основополагающих (стратегических) интересов субъектов и предполагает соглашение посредством взаимных уступок, жертвования сторон второстепенными интересами.

В сфере уголовно-правового воздействия суть противоречия, разрешаемого компромиссом, составляет вопрос об уголовной ответственности лица, совершившего противоправное деяние. Последний, по понятным причинам, заинтересован в предотвращении или минимизации негативных последствий, с которыми связано его привлечение к ответственности, тогда как государственные интересы требуют порицания каждого противоправного поступка и наказания каждого лица, виновного в его совершении. При этом следует учитывать, что если для преступника вопрос об уголовной ответственности имеет, как правило, первоочередное значение, то система государственных интересов далеко не исчерпывается указанными, в частности, ведущая роль здесь принадлежит охране прав и свобод человека. Необходимость обеспечения последних даже путем полного или частичного отказа от применения к виновному государственного принуждения обуславливает, по нашему мнению, как применение компромисса, так и создание уголовно-правовых норм, его предполагающих (далее – НПК).

Представление об интересах, которые обеспечиваются государством путем компромисса, может, как представляется, дать анализ задач, решаемых посредством применения НПК. Всего, по нашему мнению, могут быть выделены две такие задачи:

1. Предотвратить, сократить либо возместить потери (физический вред, материальный ущерб, моральный вред, расходы на содержание и деятельность органов уголовной юстиции и т.п.) отдельных лиц, общества и государства от преступности.

2. Обеспечить условия работы правоохранительных органов, экономию их сил и средств. Данные задачи носят общий характер и могут быть подразделены на ряд частных. Так, в рамках первой задачи можно выделить следующие из них:

А) Побудить преступника к прекращению преступной деятельности, предотвращению вредных последствий своего общественно опасного деяния.

Прекращение преступной деятельности (явка с повинной, добровольное заявление о содеянном и т. п.) является условием применения большинства компромиссных норм как Общей, так и Особенной частей УК (ст.ст. 20, 88, прим. к гл. 24, ст.ст. 287, 291, 295, 328, 357, 358 УК и др.). Понятно, что прекращение преступной деятельности в большинстве случаев означает и предотвращение ее общественно опасных последствий. Например, освобождение заложников устраняет угрозу для их жизни или здоровья, выдача оружия исключает возможность совершения тяжких преступлений с его использованием. Впрочем, в отдельных случаях совершения особо тяжких преступлений (например, терроризма, шпионажа) предотвращение их последствий, своевременность оповещения о факте их подготовки приобретает столь большое значение, что особо оговаривается законодателем в качестве условия компромисса (прим. к ст.ст. 289, 358 УК). Именно на условии предотвращения последствий преступления основано наше мнение о наличии признаков компромисса при добровольном отказе от совершения преступления на стадии оконченного покушения, либо со стороны руководителя (подстрекателя) (ч. 3 ст. 15 УК). Предотвращение преступления в указанных случаях предполагает совершение виновным *активных* социально-полезных действий, что характерно для НПК.

К сожалению, действующий УК, в отличие от своего предшественника, не упоминает предотвращение вредных последствий преступления в перечне смягчающих ответственность обстоятельств. Следуя общеизвестному утверждению о том, что «болезнь легче предупредить, чем лечить», указанное обстоятельство, по нашему мнению, не только должно быть

включено в ст. 63 УК, но и гарантированно снижать максимальный и минимальный пределы наказания согласно ст. 69 УК.

Б) Склонить преступника к добровольному устранению, смягчению и возмещению (заглаживанию иным образом) вреда, причиненного преступлением.

Реализации данной задачи законодателем уделено самое пристальное внимание. Заглаживание (в том числе, возмещение) причиненного вреда предусмотрено в качестве условия освобождения от ответственности согласно ст. ст. 86, 88, 88-1, примечания 5 к главе 24 УК, гарантированного смягчения наказания согласно ст. 69 УК, применения осуждения с отсрочкой исполнения наказания или условным его неприменением (ч. 4 ст. 77, ч. 5 ст. 78 УК). Понятно, что примирение с потерпевшим, предусмотренное как условие освобождения от ответственности согласно ст. 89 УК, в большинстве случаев также подразумевает заглаживание причиненного ему вреда.

В) Минимизировать негативные последствия осуждения и отбывания наказаний, связанных с изоляцией от общества.

Общеизвестно, что негативные социальные последствия судимости распространяются на гораздо более продолжительное время, чем ее нормативно установленный срок. Если принять во внимание, что социальный ярлык «ранее судимого» ежегодно впервые получают свыше половины всех осужденных, а численность населения уменьшается, то становится очевидной тенденция к увеличению доли ранее судимых в обществе. Поскольку следствием применения большинства НПК является освобождение виновных от уголовной ответственности и, соответственно, наличия судимости, их применение может стать одним из средств по нейтрализации указанной тенденции.

Кроме этого, НПК позволяют уменьшить число осужденных, реально отбывающих наказание, связанное с изоляцией от общества, и предотвратить тем самым негативные последствия, связанные с разрывом социальных связей осужденного, приобщением его к криминальной субкультуре и т.п.

Так, и осуждение с отсрочкой исполнения наказания, и осуждение с условным его неприменением (ст. ст. 77, 78 УК) содержат элементы компромисса (в частности, в качестве обязанностей, возлагаемых на виновного, предусмотрены устранение причиненного вреда и принесение извинения потерпевшему).

Однако возможности компромисса здесь далеко не исчерпаны. В частности, ст. 69 УК могла бы не только определять уменьшение верхнего предела наказания, но и обуславливать применение наказания, не связанного с лишением свободы. Аналогичное правило можно было бы реализовать путем конкретизации ст. 70 УК (ее применение и в настоящее время наиболее часто обуславливается возмещением причиненного преступлением вреда, включением соответствующих примечаний к статьям Особенной части (например, к ст. 317 УК).

Наконец, компромиссные нормы позволяют снизить численность лиц, уже содержащихся в местах лишения свободы. Нормы, направленные на ее решение посредством компромисса, в настоящее время встречаются лишь в актах об амнистии. Например, в качестве условия досрочного освобождения из мест лишения свободы выдвигается требование полного возмещения виновным причиненного преступлением ущерба [19, ст. 6]. Однако в современных условиях, когда содержание одного осужденного к лишению свободы обходится в сумму около 1,5 млн. рублей в год, а исправительные колонии нередко переполнены, подобным нормам следовало бы придать более стабильный характер. НПК могли бы, например, определять и условия досрочного освобождения от наказания, и замену наказания более мягким (данные предложения уже имели место в литературе [20, с. 25]).

Г) Ограничить вмешательство государства в межличностные отношения. Примирить преступника и его жертву.

Усиление роли частного начала в современной уголовной политике нашло свое отражение и в компромиссных нормах УК. В частности, ст. 89 УК рассматривает примирение виновного с потерпевшим в качестве основания для освобождения первого от уголовной ответственности. Как справедливо отметил А.В. Наумов, данная норма имеет определенное сходство с основаниями прекращения дел так называемого «частного» обвинения, преду-

смотренными ст. 26 УПК [21, с. 452]. Однако в отличие от дел частного обвинения, потерпевший и виновный лишены права принимать решение об юридических последствиях состоявшегося между ними примирения: право принимать решение об освобождении виновного от ответственности на основании ст. 89 УК предоставлено прокурору или суду; во-вторых, категория дел, по которой определено правовое значение примирения, сужена лишь до преступлений, не представляющих большой общественной ответственности; в-третьих, отсутствует какой-либо процессуальный порядок достижения примирения. (Во многих зарубежных государствах примирению придается намного более существенное правовое значение [18, с. 69-82; 22, с. 70-89, 138-155].)

В рамках второй общей задачи, по нашему мнению, можно выделить следующие:

а) побудить преступника к обнаружению перед правоохранительными органами (решение данной задачи обеспечивается путем включения в число условий применения ряда НПК явки виновного с повинной либо его добровольного заявления о содеянном, например, в ч. 1 ст. 69, ст. 88, прим. к ст. ст. 287, 357, 431 и др.);

б) побудить преступника к содействию раскрытию и расследованию преступлений, совершенных как им самим, так и иными лицами (указанная задача, аналогично предшествующей, решается за счет включения в НПК условия о выполнении виновным соответствующего действия, ч. 1 ст. 69, ст. 88, прим. 2 к ст. 235, прим к ст. 328 УК и др.);

в) противодействие, разобщение организованной преступности путем привлечения к ответственности ее руководителей и наиболее активных участников.

Данная задача, по сути, является отражением предшествующей, выделенной в силу специфики сферы ее приложения. В первую очередь, о ее наличии свидетельствуют положения ст. 20 УК. Однако и иные НПК также позволяют решать указанную задачу посредством противодействия отдельным проявлениям организованной преступности в сферах незаконного оборота оружия, наркотических веществ, коррупции и т. п;

г) повысить раскрываемость некоторых видов преступлений (латентных либо с низкой раскрываемостью). Данная задача, по понятным причинам, сильно взаимосвязана с двумя предшествующими и реализуется, в основном, посредством применения соответствующих примечаний к статьям Особенной части УК (к ст. ст. 287, 295, 356, 357, 431 и др.). Так, по полученным нами данным, применение примечания к ст. 431 УК в настоящее время обеспечивает привлечение к уголовной ответственности свыше 80% взяточполучателей. (В материалах 46 из 57 изученных уголовных дел о получении взятки (ст. 430 УК), рассмотренных судами республики в 2003-2004 г.г., имелись сведения об освобождении взяточдателей от уголовной ответственности в связи с их добровольным заявлением о содеянном. Полученные цифры подтверждены также опросом экспертов – сотрудников МВД и Прокуратуры, непосредственно ведающих раскрытием и расследованием преступлений в сфере коррупции и имеющих стаж работы по данному направлению более 7 лет).

Вместе с тем, несмотря на высокую эффективность, законодатель достаточно избирательно подходит к регламентации компромисса, направленного на решение данной задачи. Это приводит к тому, что в некоторых случаях достаточно сложно объяснить возможность безусловного освобождения от ответственности за одни преступления, и отсутствие такой возможности за другие, схожие по объективным признакам и степени тяжести (тем более – меньшей общественной опасности);

д) ускорить и упростить процесс расследования преступлений, обеспечить концентрацию усилий правоохранительных органов на расследовании наиболее сложных преступлений.

В настоящее время данная задача во многом носит потенциальный характер, а ее решение выступает как результат, сопутствующий решению задач, рассмотренных выше. Тем не менее, в ряде зарубежных государств задача ускорения уголовного процесса стала определяющей в реформировании законодательства (в том числе – и допускающего компромисс) [22, с. 37-42]. Учитывая, что тенденции роста преступности в Беларуси совпадают с общемировыми и совершенствование отечественного законодательства предполагает заимствование положительного опыта других стран, позволим себе спрогнозировать усиление роли рассматриваемой задачи в процессе правотворчества.

Следует отметить, что указанные задачи не являются специфическими и в целом характерны для современной уголовной политики. НПК, таким образом, применяются в качестве лишь одного из возможных средств их решения в случаях, когда иные средства недостаточно действенны, чреваты негативными последствиями или нежелательны по иным причинам.

В целом же, уголовно-правовой компромисс, отвечая признакам общего понятия компромисса, является ничем иным как закреплённой в законодательстве разновидностью данного средства урегулирования социальных противоречий. Он проявляется в смягчении уголовной ответственности или освобождении от нее тех лиц, которые после уголовно-наказуемого деяния добровольно совершили одно или несколько позитивных действий, направленных на предотвращение, сокращение или возмещение причиненного вреда (и)либо обеспечение условий работы правоохранительных органов, экономию их сил и средств. Но в отличие от общего понятия, уголовно-правовой компромисс регламентирован соответствующими правовыми нормами, которые прямо определяют взаимосвязь между социально-полезными посткриминальными действиями виновного и индивидуализацией его уголовной ответственности.

Под уголовно-правовым компромиссом, таким образом, следует понимать смягчение уголовной ответственности (или освобождение от нее) лица, виновного в уголовно-наказуемом деянии, непосредственно связанное с определенными в законе и совершенными им социально-полезными посткриминальными действиями, независимо от мотивов их совершения.

При этом, поскольку в уголовном законодательстве в настоящее время существует значительное количество норм, принцип действия которых основан на использовании уголовно-правового компромисса, и указанные нормы обеспечивают относительно законченное решение ряда задач уголовной политики, становится правомерным вывод о существовании в системе уголовного права Республики Беларусь института норм, предполагающих компромисс.

Abstract. Some aspects, characterizing social and legal nature of criminal legislature norms, which define the juridical consequences of positive postcriminal activity of a perpetrator, are analyzed. The conclusion about an existence of a legal institution of norms, presupposing compromise, is considered.

Литература

1. И. Я. Фойницкий, Курс уголовного права. Часть Особенная: Посягательства личные и имущественные, 5-е изд., Санкт-Петербург, Тип. М. М. Стасюлевича, 1907.
2. Большой толковый словарь русского языка, Сост. и ред. С. А. Кузнецов, Санкт-Петербург, Норинт, 2000.
3. С. И. Никулин, Деятельное раскаяние и его значение для органов внутренних дел в борьбе с преступностью: Учебное пособие, Москва, МВШМ МВД СССР, 1985.
4. И. Петрухин, Гуманность или трезвый расчет? / Российская юстиция, № 9 (1999), 25–26.
5. Н. А. Бабий, Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: Конспект лекций, Минск, Тесей, 2000.
6. Л. В. Лобанова, К вопросу о соответствии наименования и содержания ст. 75 УК РФ, Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве: Сб. науч. тр. / ЯрГУ; Редкол.: Кругликов Л. Л. (отв. ред.) и др., Ярославль, 1997, 29–35.
7. Курс уголовного права: Учеб. для вузов: В 5 т., Под ред. Н. Ф. Кузнецовой. И. М. Тяжковой, Москва, ИКД Зерцало-М, 2002, 2: Общая часть. Учение о наказании.
8. А. Чувилев, Деятельное раскаяние, Российская юстиция, № 6 (1998), 10–11.
9. А. В. Савкин, Социально-правовое значение деятельного раскаяния в преступлении и его роль в предупреждении преступности, Российский следователь, № 10 (2003), 20–26.
10. Э. А. Саркисова, Деятельное раскаяние и его уголовно-правовое значение, Право Беларуси, № 14 (2002), 65–70.
11. В. А. Кушнарев, Деятельное раскаяние в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08, Уральская госуд. юрид. академия, Екатеринбург, 2002.

12. А. Г. Антонов, Классификация специальных оснований освобождения от уголовной ответственности и их соотношение с основаниями, предусмотренными ст. 75 УК РФ, Сибирский юридический вестник, № 1 (2002), 29–32

13. А. В. Савкин, Проблемы правового регулирования института деятельного раскаяния в уголовном законодательстве, “Черные дыры” в Российском законодательстве, № 2 (2002), 26–34.

14. Ю. В. Голик, Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения: Вопросы теории, Новосибирск, Изд-во Новосиб. ун-та, 1992.

15. Р. Соловьев, О правовой природе деятельного раскаяния, Уголовное право, № 1 (2001), 40–41.

16. Р. М. Мелтоян, Поощрительные нормы УК РФ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08, Рязанский ин-т права и экономики МВД России, Рязань, 1999.

17. Х. Д. Аликперов, Преступность и компромисс, Баку, Элм, 1992.

18. С. Г. Келина, Освобождение от уголовной ответственности как правовое последствие совершения преступления, Уголовное право: новые идеи: Сб. ст., Москва, ИГПРАН, 1994, 68–82.

19. Об амнистии некоторых категорий лиц, совершивших преступления: Закон Респ. Беларусь от 8 янв. 2004 г., Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь, № 4 (2004). – Ст. 2/1015.

20. Э. А. Саркисова, О. А. Бируля, Уголовная ответственность и наказание за экономические преступления: проблемы законодательного и практического решения, Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы, Минск, НИИПККиСЭ, Вып. 12 (1997), 18–25.

21. А. В. Наумов, Российское уголовное право, Общая часть. Курс лекций, Москва, Изд-во БЕК, 1996.

22. Л. В. Головкин, Альтернативы уголовному преследованию в современном праве, Санкт-Петербург, Изд-во “Юридич. центр Пресс”, 2002.